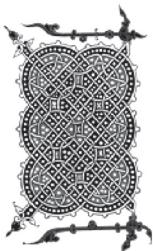

© 2023 Т. А. Листова
Москва, Россия

ЛОГИКА ФОРМИРОВАНИЯ НАРОДНО-ЦЕРКОВНЫХ ОБЫЧАЕВ: ЧИН ПАНАГИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОМИНАНИИ СОРОКОВОГО ДНЯ (РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ)*

Аннотация. Основная религия восточных славян – православие – всегда функционировала на разных уровнях: каноническое церковное служение, церковные и народно-церковные обычаи и внецерковная религиозная практика. Их корреляция актуализировалась в разной степени интенсивности и взаимовлияния, результатом чего становились новые формы религиозных обычаяев и ритуалистики. Данное соотношение сохранялось в советское время, сохранив свое значение в наше время. Репрезентативным примером взаимодействия Церкви и мирской религиозности является обычай поминания на 40-й день после смерти, соединяющий канонический чин панагии с народной интерпретацией христианской идеи ухода в этот день души умершего.

Ключевые слова: Православие, канон, обычай, панагия, поминание, душа, рецепция, ритуал.

Ссылка при цитировании: Листова Т. А. Логика формирования народно-церковных обычаяев: чин панагии в современном понимании сорокового дня (российско-белорусско-украинское пограничье) // Традиции и современность. 2023. № 33. С. 54–67

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Листова Татьяна Александровна (*Listova Tatjana Alexandrovna*) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: listova.ta@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 33. С. 54–67

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>
УДК – 393.05; ББК – 86.372.24-54; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-33/54-67>

* Мнение редакции не совпадает с точкой зрения автора на паралитургику и изложено в рецензии Г. А. Романова на статью Т. А. Листовой в данном номере (<https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-33/99-102>)

Изучение православия как живой религиозной системы приводит к неизбежному выводу о его реальном функционировании на разных таксономических уровнях, причем в данном случае за точку отсчета логично брать соответствие ритуальных актов церковным канонам. Церковное уставное богослужение и народная религиозно-обрядовая культура, с присущей ей склонностью к самостоятельным интерпретациям религиозных истин в рамках единой христианской идеи, на протяжении веков постоянно взаимодействовали, что вносило корректизы во все проявления православия. Эта сложная взаимосвязь существовала с начала христианизации Руси, когда новая вера стала проникать в глубины сознания безусловно религиозного населения и трансформировать присущую любой форме религиозности сакрально-обрядовую практику. В результате, кроме канонически установленных, хотя и меняющихся во времени церковных священодействий и ритуальных актов, существовала на более низком таксономическом уровне народная религиозная культура – феномен, своеобразие которого получает противоречивые оценки светских ученых и, в основном, критические со стороны духовных лиц. Кроме того, в рамках единого православия существовала вариативность совершения богослужебных актов, не затрагивающая лишь святая святых христианства – божественную литургию. Задачей данной статьи является показать на примере одного, но весьма важного в контексте православного учения сюжета поминальной практики своеобразие церковной ритуалистики в определенном регионе, обозначить те факторы, которые определяют ее символическое содержание и формы воспроизведения общей идеи. В конечном итоге я постараюсь показать логику и пути сложения церковного или, скорее, народно-церковного обычая, приуроченного к 40-му дню после смерти.

Христианские постулаты формировали весь спектр мировоззренческого осмыслиения жизни и смерти человека. Другое дело, что в народной среде мистические идеи могли трактоваться слишком прямолинейно, что определяло специфику их обрядовой актуализации, в разной степени и в разных формах коррелирующей с порядком церковных богослужений. На протяжении веков Церковь стремилась к унификации религиозной жизни народа, успешно укрепляя в сознании верующих убежденность в том, что освящение всех этапов их жизни и придание профанным актам сакрального значения возможно исключительно путем церковных священодействий. Однако в реальности канонически разработанная церковная ритуалистика сама дополнялась и расширялась за счет отличающихся локально или регионально элементов, реализуя

практику функционирования церковных обычаем. Постольку-поскольку обрядовое содержание этих обычаем не противоречило православному учению, Церковь признавала их легитимность. Некоторые обычай сохранялись как часть традиции Церкви даже при утере ими первоначальной актуальности. Но нередко инициатива появления нового (скорее, слегка измененного или дополненного) ритуально-го варианта исходила из среды мирян и обретала в глазах мирского населения если не де-юре, то де-факто статус религиозно-нравственного закона. Руководствуясь желанием более четкой и более логичной обрядовой презентации поступающей Церковью идеи, верующие предлагали свои дополнения к канону. Например, классический вариант появления обычая, который воспринимается в православной среде как закон – приглашение крестного отца и крестной матери к одному ребенку с дальнейшим запретом для них вступления в брак друг с другом, при каноническом требовании одного крестного одного пола с ребенком.

Существование таких прецедентов в общей парадигме православной жизни России можно считать свидетельством постоянного обновления церковной жизни, присутствия в ней духа творчества при сохранении канона. Изучение выходящих за рамки богослужебных требников обрядовых сюжетов, что является одной из задач статьи, предполагает использование компартиативного анализа. Это позволит определить генезис и соотношение отдельных элементов, входящих в ритуальную презентацию конкретного церковного обычая. Полученные результаты могут служить ценным источником при рассмотрении следующих аспектов функционирования православия в России: 1. Мирская религиозность, ее приоритеты и поиски новых ритуальных форм. 2. Характер взаимодействия Церкви с мирскими инициативами, основные векторы церковной политики, позиции приходских священников и их критерии допустимости привнесения дополнительных сюжетов в установленное чинопоследование. Степень и формы проявления «сращивания» мирского населения и Церкви. 3. Региональная, локальная и этническая специфика в привнесении новых элементов в церковную ритуалистику. Выбранный мной для рассмотрения конкретный вариант происходящей в храме поминальной практики как нельзя лучше соответствует обозначенной выше проблеме: результатам проникновения обрядовой логики мирян в канонические священодействия, что актуализируется как церковный обычай. Одновременно содержательная часть поминания покажет встречное движение – проявления обрядовой рефлексии мирской культуры на церковные священодействия с последую-

щей их рецепцией. Одним из основных положений христианского учения, прочно занявших место в народном миропонимании, было учение о душе как основе жизни и о продолжении ее существовании после телесной смерти человека. Центральным моментом этого учения стал постулат о посмертных перемещениях души с доминантой 40-го дня после смерти как момента окончательного ее перехода в иной мир. Кроме положенных по правилам Церкви поминальных служб, народная религиозность наполнила этот день неканоническими церковными и внецерковными акциями. Символика этих акций имела в виду единую конечную цель, но с разным видением путей ее достижения, что очевидно из обрядового поведения участников ритуала. В одних вариантах проведения 40-го дня преобладает тема страха перед умершим, стремление гарантировать его невозврат в мир живых. К таковым можно отнести распространенный у русских вариант «проводов души», представляющий собой символическое препровождение покойного на территорию смерти – кладбище. Этот обычай существовал, параллельно церковному поминанию, автономно в мирской среде, хотя включал молитвенную домашнюю часть. Различные варианты этого ритуального действия, вопреки активному противодействию священников, сохраняются до сих пор.

В настоящей статье будет рассмотрена другая поминальная традиция, также ориентированная на отделение мертвых от мира живых, но с иной реконструкцией процесса ухода и, соответственно, иным вектором ритуально-символических актов. Задача их исполнителей – дать возможность душе умершего благополучно покинуть земной мир и устремиться вверх, в тот небесный Божий мир, где ей предстоит обитать. В отличие от приведенного выше варианта проводов души, данная традиция включена в церковное поминание, в результате все происходящее в церкви действие представляет собой некий сплав (контаминацию) канонических актов с привнесенными элементами неканонического характера. Анализируемая в статье традиция поминальной практики характерна для российско-украинско-белорусского пограничья, на землях которого располагаются Черниговская обл. Украины, Гомельская и южная часть Могилевской обл. Белоруссии, а также территории юго-запада Брянской обл. России, входившие до революции в Черниговскую губ. Этнографическое изучение населения региона показало высокую степень идентичности трансграничных культурных особенностей как в прошлом, так и в современности (Григорьева 2018).

Как всегда, особый интерес вызывает похоронно-поминальная обрядность, сохраняющая как традиционные обрядово-ритуальные комплексы, так и

мифологичность рефлексии на феномен смерти и загробного существования. Основная оптика данной статьи направлена на анализ церковной ритуалистики поминания 40-го дня, состава обрядовых актов, их генезиса и мотивированности включения в поминальный комплекс. История сложения конфессиональной ситуации в регионе заставляет заведомо предполагать некоторую специфику в актуализации православных богослужений, на что будет обращено внимание. Статья основана главным образом на собранных автором полевых материалах, дающих информацию по современной обрядовой ситуации с углублением в конец XX в. С целью определения устойчивости традиции и векторов ее трансформации были использованы материалы XIX в. Изучение церковного обычая как специфической формы функционирования православия в целях сопоставления с уставным богослужением потребовало также привлечения источников по канонической обрядности.

Многовариантность отдельных сюжетов поминания 40-го дня, о чем будет сказано ниже, не препятствует выделению общих характеристик, касающихся как структурообразующей идеи проведения ритуала, так и включенных в действие обязательных атрибутов. Все совершающиеся в храме поминальные акции были подчинены единой цели: отправлению души, как субстанции нематериальной, ввысь, в воздушное пространство, что определило распространенную в народе терминологию ритуала: «поднятие воздуха» или просто «воздух». Этот термин (ударение на первом слоге) в контексте местной традиции не имеет (или имеет лишь косвенное) отношения к церковному воздуху, во всяком случае в настоящее время. Главным атрибутом, вокруг которого концентрировались обрядовые акты, был хлеб, который по окончании ритуала использовался в качестве основы приготовления ритуальной пищи. В белорусских районах и сейчас распространено также название обряда «поднятие проскурь», «поднятие дарника», «дары», что связано, по-видимому, с употреблением в прошлом в качестве обрядового хлеба церковной просфоры.

Современная специфика обрядового поминания – приуроченность всех ритуальных действий к 40-му дню, тогда как раньше считали нужным проявлять заботу о благополучии души в разные этапы ее сорокадневных странствий. По этому поводу очевидцы писали: «Через три недели для ускорения душе долететь до мытарства, отправляется хозяин дому в город или местечко, покупает пирог (калач) или вязанку баранок (или в доме пекут пироги), идет в церковь, кладет на столец и просит священника отправить «проскуру». Священник, отправив панихиду, баранки оставляет причту, а пирог вместе

с хозяином поднимает три раза в гору над головой, что и называется “подняли проскуру”. С этой проскурой хозяин едет домой, созывает соседей, делит проскуру и поминает недавно умершего» (Сердюков 1867: 11). К сожалению, авторы информации прошлого обычно лишь констатируют наличие специального поминального цикла, подчас ограничиваясь одним терминологическим обозначением его составляющих, но не дают более подробного изложения содержательной части и тем более редко говорят что-либо о сопровождающих обрядовые акты рефлексиях исполнителей и соприсутствующих. Современные полевые исследования позволяют хотя бы отчасти восполнить этот пробел, поскольку ориентированы на сбор и использование конкретных, весьма при этом эмоциональных, информаций, полученных от непосредственных участников обрядовых акций. Приведу несколько интервью из сопредельных областей разных республик, в которых ясно определена доминантная функция совершающегося ритуала. Основное содержание действий подчинено символическому отправлению души вверх, для чего хлеб (а часто и вино) помещают на полотно или поднос и энергично поднимают вверх. «Воздух поднимают. Это как отправу делают на 40-й день в церкви. Батюшка делает отправу, полотенца поднимают кверху. Сейчас нет. Покойник на небо поднимается и полотенцем все выше и выше. (Зачем?) Чтобы шел покойник туда, чтобы дух его туда шел» (с. Зaborье Красногорского р-на Брянской обл., 2011 г.); «Хлеб подымать – да. Батюшка сначала отправляет, тогда берет вознесение в воздух покойника. Вроде до тех пор ходит по земле, а это его вознесение. Берешь за уголки платок, на нем хлеб, соль, сахар в стакане и подымаешь. Я держу и священник. Стакан притуливается к хлебу. Так три раза. Тады опускает на стол и хрестит. И всё оставляю в церкви. То на шесть недель» (д. Огородня Кузминичская Добрушского р-на Гомельской обл., 2008 г.); «Воздух – в церкви на поднос ставится бутылка или компот, лимонад, и родственники поднимают. Туда же печенье, конфеты. Несколько раз поднимают. Это вроде дух его поднимают» (с. Гремяч Новгород-Северского р-на Черниговской обл., 2010 г.).

Чин панагии

Одной из наиболее интересных особенностей поминальной практики в регионе можно считать не характерное для русской традиции включение в нее чина панагии, что было распространено в прошлом и сохраняется, хотя и не повсеместно, до сих пор. Вхождение этого чина в обрядовое поминание создает усложненный вариант традиции при сохранении единой функциональной направленности всего ритуального комплекса. Этот чин считается изна-

чально монастырской традицией, связанной с явлением Богоматери сидящим за трапезой монахам через три дня после ее Успения, вследствие чего был установлен посвященный Богородице особый чин, получивший название «чин панагии», или «чин о возвышении панагии». Этот чин имел несколько отличающиеся варианты совершения в православной Византии, в XIV в. он вошел в ритуальную практику Русской Церкви как элемент монастырской жизни. Согласно церковной традиции во время совершения литургии из богородичной просфоры вынималась треугольная частица, по окончании службы просфора на специальном панагиаре (вариант сдвоенного подноса) торжественно переносилась в монастырскую трапезную, где после обеда происходило сопровождающееся молитвами поднятие просфоры над иконами. На территории России (в границах бывшей РСФСР) этот чин, как правило, не выходил за пределы монастырского обихода, он изначально был ориентирован на испрашивание здоровья и благополучия участникам священномучествия, то есть имел однозначно положительную коннотацию. Тем более странным кажется его включение в обрядовый ритуал, связанный со смертью. Совершающийся в церкви поминальный комплекс в том виде, в каком его помнят пожилые люди и как он исполняется сейчас, кроме чина панагии включает различные сюжеты и специальную атрибутику, в появлении которых можно усматривать влияние мирской религиозности на церковные обычаи. Посмотрим, какие элементы чина панагии включены в церковный ритуал и как они коррелируются с традиционной практикой поминания, точнее, с приготовлением поминальной пищи.

Поминальная пища

Дело в том, что в поминальной трапезе особое значение всегда придается первому блюду, несущему определенную смысловую нагрузку. С точки зрения Церкви, наиболее уместной для поминания является кутья – сваренные зерна, как символ вечного возрождения.

Но на изучаемой нами территории первое ритуальное блюдо – коливо (канун): положенные в компот (узвар), реже в сладкую воду кусочки хлеба или просфоры. Местные священники с разной степенью категоричности пытаются изменить традицию, уговаривая население перейти на употребление одобряемой церковью куты. Поминание коливом (кануном) кажется им одним из не имеющих смысла народных обычаяв, однако более внимательное рассмотрение составляющих поминальное блюдо ингредиентов свидетельствует о том, что ему присуще значение христианской сакральности. Особую сакральность приобретает первое поминальное

блюдо, если в него входит хлеб, над которым было совершено священнодействие чина панагии. Данное утверждение требует некоторого разъяснения. Напомню, что одним из основных элементов чинопоследования панагии является изъятие из богоордичной просфоры треугольной (как символа святой Троицы) частицы. Аналогичное обрядовое действие присутствует и в местном церковном ритуале поминания. Посмотрим, как описывают ситуацию свидетели и участники обрядового акта, в котором в качестве главного объекта действий фигурирует не церковная просфора, а принесенный родственниками хлеб, к которому добавляются вино и другие продукты.

По словам жительницы агрогородка Корма Гомельской обл., «мужа сестра поминала третий, девятый день и носила в церковь сахар, булку. И там специальная женщина, которая принимает эти дары, спрашивает: «Вы будете брать вырезку на канун?». И когда заканчивается служба, сестра подходила, и женщина из принесенного хлеба вырезала и давала, чтобы с этого делала канун. Хлеб белый» (Добрушский р-н, 2005 г.). Это единственный встретившийся нам случай, когда исполнителем обряда является женщина. В обычной практике весь ритуал в храме – и каноническое поминание, и завершающие акты чина панагии проводит священник, что говорит о том, что все происходящее в церкви позиционируется и воспринимается присутствующими как православное священнодействие.

Акт возвышения

Обрядовый комплекс с панагией включает неизменное для всех вариантов поминания поднятие хлеба. Сам акт возвышения основного атрибута входит в канонический чин панагии, однако в местной традиции он приобретает иное символическое звучание и иной исполнительский состав: в качестве основных акторов в обрядовом ритуале задействованы и родственники умершего. Судя по многочисленным описаниям происходящих в храме событий и комментариям к ним, в местной интерпретации канонического чина на первый план выходят отправление души и одновременно прагматичная ориентация на будущее поминальное блюдо; сам акт возвышения, как и извлеченная частица, в глазах исполнителей лишь в слабой степени связаны с образом Богородицы. «На 40-й день хлеб поднимают, это *дарник*. У нас на Могилевщине в Глусском р-не мама носила на полотенце хлеб круглый большой. Батюшка правит, а они дарник поднимают. А здесь не мае ничего. Дадут хлеб – и все. Дарник – это и там и здесь называется. Кусочек с дарника отдают. И сахар несут, и мед, если есть. Из хлеба кусочек вырезают, каб канун сделать. Сахар и остальной хлеб

остается» (д. Огородня Кузьминичская Добрушского р-на Гомельской обл.).

Элементы рецепции

Церковное богослужение во множестве своих священнодействий составляет в целом последовательный и логически связанный круг, в который был вписан и чин панагии. Однако тот вариант, который в изучаемом регионе существовал в конце XX в. и существует сейчас, имеет ряд специфических особенностей. Интересные результаты дает сопоставление его содержательной и атрибутивной частей с основными каноническими обрядами Православной Церкви. Более пристальное рассмотрение составляющих его элементов показывает явные рецепции других священнодействий, в том числе главного богослужения христианства – литургии. Приведенные ниже факты покажут, что наши предположения нельзя назвать беспочвенными. Первое – это количественный показатель освящаемого хлеба. Один из наиболее распространенных вариантов, о котором уже шла речь, – это цельный хлеб (единичное хлебное изделие), что и соответствует одной богоордичной просфоре в чине панагии. Но не менее распространен обычай использовать в обрядовых актах рецепции нескольких булочек, количество которых в парадигме христианства имеет сакральное значение. Первый вариант – берутся для поднятия три булочки, то есть число, коррелирующее со святой Троицей: «40 дней душа ходит, тады уж уходит. Делают квас, вино берут, поляницу пекут, гроши кладут, платочек и в церковь идут. И платок поднимают, на него хлеб – буханку или булочки. Батюшка кажет, нужно три булочки. Компот и вино тоже поднимают. И тогда треугольничек вырезает» (с. Клюсы Щорсовского р-на); «Воздух обязательно поднимали – дарник. Это приносили три булочки, поднимали на платке на подносе. Тогда батюшка вынимал из каждой булочки по частичке, ее домой и в сладкую воду» (д. Тереховка Добрушского р-на, 2008 г.).

Но наиболее часто речь идет о литургически значимом числе пять, что вызывает ассоциацию с пятью просфорами на проскомидии, а также напоминает чин освящения хлебов, коих участвует в обряде благословения также пять. Приведу описание ритуального поминания на 40-й день из практики священника с. Блистава Новгород-Северского р-на Черниговской обл., в котором явно звучит мотив отправления души как одной из функций совершающего священнодействия, что не свойственно чину панагии. «Пять булочек приносят, а можно пять просфор. Берется икона Божьей Матери, и родственники, которые приносят панафиду (продукты), священник читает кафизмы и Апостол, и

поднимается [принесенное] на воздух. Махают и спевают: “Достойно есть”, “Пресвятая Богородица, помогай”. И возносится на воздух, благословляют ту пищу, которую принесли. Вырезаю в булке треугольник во имя Пресвятой Троицы и достаю. И треугольник потом на части, а остальные булки в церкви остаются. Это есть в Требнике, це чин панагии, це за здравие. (Почему поднимают?) На 40-й день душа возносится на небо и так самое к Отцу. Воздух поднимается еще за упокой, а тади я благословляю: “Христе Боже, благослови душу до Господа”. По мнению священника, совершающий чин относится к тем священнодействиям, которые требуют и знания чинопоследования, и духовной подготовленности пастыря: «Могут выполнять не все священники. Но много людей приезжают из России и просят поднять на воздух. Если есть духовник, опытный старец, богато знает… А есть старшие, а не знают». На вопрос о том, почему в поминальном ритуале за действовано пять булочек, чего нет в чине панагии, был дан ожидаемый ответ: «Нет, там нет, но – это из Евангелия, як Господь насытил людей пятью булочками. Я с Запада Украины. У нас там тоже поднимают воздух».

Настоятель Никольской церкви из г. Щорс Черниговской обл. в своей практике строго следует канону чина панагии; излагая последовательность совершаемых им действий, он поясняет ритуальное значение освященного хлеба. «Воздух сопровождается чином панагии. Это “искуп души” – так местный батюшка чин панагии называл. Это из Иерусалимского требника. Есть в Часослове. Читают при этом обязательно сначала псалтырь 144, Акафист и затем чин панагии из Часослова. Потом тропарь храму, потом кондак Богородице и сугубую ектинью. Ектинья уже идет за здравие. Кладут пять булочек, это в воспоминание о том, что Христос пятью булками накормил. Четыре по углам, одну в середине. И из той, что в середке, копием, когда идет панагия, достает частицу и отдает ее людям. Люди еще приносят воду и вино, потом вино забирают домой и эту частицу могут крошить в вино. Вообще они не должны эту частицу крошить в коливо, а так раздать. Дара – у нас не говорят. Остальные булочки остаются на храм». Иерусалимский требник, которым руководствуется данный священник, можно считать первоисточником, фиксирующим новый посвященный Богородице чин приблизительно в IV в. Приведу по этому поводу мнение известного богослова и историка Церкви М. Н. Скабаллановича: «Начало самого чина о панагии, являющегося ныне средоточием трапезы, скрыто в глубине истории. Но то обстоятельство, что он неизвестен общераспространенному на греческом Востоке Студийскому уставу, имея здесь вместо себя возвышение укрухов

(кусков хлеба. – Т. Л.), – это обстоятельство заставляет предполагать, что чин этот появился впервые в Иерусалимском уставе и мог возникнуть в недрах Иерусалимской Церкви очень рано». Совершающие в храмах поминальные практики показывают, что с течением времени канонический ритуал был дополнен элементами, присутствующими в парадигме христианства, но не имеющими отношения к чину панагии (Скабалланович 2022).

Итак, если рассматривать происходящее в храме действие с точки зрения символики и функций совершаемых актов, то ситуация выглядит следующим образом: поскольку поднятие хлеба, а также вина и других пищевых приношений, имеет поминальный характер, то хлеб следует считать атрибутом поминания. Однако поднимаемый хлеб воспринимается, скорее, как атрибут с положительной коннотацией. Это подтверждает принятые на белорусских территориях определение этого хлеба как «заздоровый». Извъятая из него частица как элемент чина панагии – заведомо атрибут моления о здравии, но она же, попадая на поминальный стол, становится основным ингредиентом поминального колива. Предположу, что складывание традиции совмещения в одном сакрализованном ритуале темы смерти и прославления жизни – это результат нераздельности этих понятий в миропонимании православных, осознание ими смерти как вечной жизни. Возможно, что на стадии становления ритуального комплекса его поминально-заздоровый характер более осознанно соотносился с образом Богородицы, чье Успение, положившее начало специальному чину, символизировало одновременно возрождение в вечность, ей возносят молебны и о защите живых, и о спасении умерших. Немногочисленные источники о проведении всего поминального комплекса в дореволюционное время позволяют предположить, что акт поднятия хлеба и чин панагии были разделены местом и временем исполнения, а современная совмещенность в стенах храма всех обрядовых актов – результат трансформаций советского и постсоветского времени.

Современные прихожане не воспринимают совершающийся в рамках общего поминания чин панагии как посвящение Богородице, но богочестивый мотив обязательно звучит в конце ритуала с обычными молитвами и обращением: «Пресвятая Богородица, помогай нам». Таким образом, поминание заканчивается молением о живых. Сложно-символический характер ритуала вызывает часто у наших собеседниц разногласия по поводу функциональности отдельных актов. Приведу спор двух жительниц с. Хотивля Городнянского р-на Черниговской обл. 1-я: «В церковь надо нести шесть булочек, сахар, и чтобы шло несколько человек, так

как там будут поднимать дух». 2-я: «Не, це за здравие. Панихида за умершего, а это поднимают за живых. На каждый угол по булочке».

Совершенно определено о традиции заздравного окончания поминания, что актуализируется именно чином панагии, пишут авторы XIX в. «При сорокадневном поминовении, полугодичном и годичном есть обыкновение в конце стола потчивать гостей варенухой, которую пьют по чайной чашке, а желающие и больше, за упокой усопших и за здравие остающихся в живых родственников, которым пред обедом и после обеда возглашаются “многие лета”, ибо в это время возвышаема была панагия или всесвятое» (РГО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 16. Л. 11; г. Новгород-Северский).

Не совсем ясна картина последующего использования освященного (поднятого в «воздух») хлеба, который белорусы чаще называют проскурой или дарником. Первый вариант – в ритуальное коливо идет вырезанная частица. И именно эта частица является основным атрибутом поднимания «воздуха». Приведу описание поминального ритуала, полученное от жительницы Брестской обл., где традиция сохраняется в наиболее полном варианте. «Здесь нет, а я из Брестской области, там есть. В храме на 40-й день берут длинное белое полотенце. Перед этим пекут хлеб белый сладкий, берем мед, длинное полотенце. Если у кого лен сохранился – то это лучше. В пост – постный хлеб. В храме все становятся со свечами. Все родственники и хор вместе с батюшкой держатся за полотенце вокруг. С хлеба вырезается частица, кладется на полотенце и крест, и хор поет поминальные песнопения, и все в такт поднимают полотенце. Не весь белый хлеб кладется, а только частица. Потом оставшийся хлеб разрезают на кусочки, мажут медом и раздают всем в храме или на улице. Частица – или домой в коливо или в церкви оставляют. Это по усмотрению родственников. Это “снятие воздуха”. Это за упокой».

Евхаристическое звучание можно усматривать в еще одной особенности поминальной практики с чином панагии. Я имею в виду порядок вкушения освященной частицы, что требовало предварительного воздержания от пищи. По церковным правилам подобное воздержание необходимо лишь при вкушении агничной просфоры (антидора), между тем как богородичную просфору потребляли после трапезы. Приведу описание поминальной практики, имевшей место в конце XIX в. К сожалению, автор информации, известный исследователь белорусской культуры П. В. Шейн, лишь зафиксировал включение панагии в последовательность поминальных действий, но не дал более детального описания всего ритуала поминания. «Накануне поминальных дней – обедня, постный ужин, даже и не

в пост, печется заздоровый хлеб, собираются родственники и те, кто мыл. Один из членов семейства постится с вечера до утра другого дня. Часть заготовленного для обеда – канун, каша, яичница, молоко, 6-7 блинов и 1-2 кв. водки (кварта – 0,7 л. – Т. Л.) семья забирает с собой из дома в церковь, там всю обедню, затем на могилу, там по частице от каждого кушанья оставляют. Остальное в дом священника, и там разделяют трапезу. Затем священника приглашают в дом хозяина для освящения заздорового хлеба, из которого он вынимает частицу и дает тому из членов семейства, который постился. Остальной заздоровый хлеб разрезывается на части по числу семейств в селении или деревне и разносится по домам накануне одного из праздничных дней, чтобы каждый мог съесть натощак и помянуть умершего» (Шейн 1890: 585. Минская губ., Игуменский у.). В данном сообщении обращает на себя внимание место проведения: таинство происходит не в храме, а в жилом доме.

В Могилевском у., по сообщению того же автора, весь процесс поминания имел другую последовательность, а чин панагии совершался в храме. «В предшествующее (40-му дню) воскресенье хозяин идет в церковь и просит священника отслужить панихиду, при этом правится дара, так как возносится панагия». Эта дара отправлялась домой к умершему и на шестинах раздавалась присутствующим (здесь жидкое коливо не делали. – Т. Л.), причем все гости приходили «натощак», а дара подавалась на веке (крышке. – Т. Л.) от квашни – своего рода заместитель (рецепция) панагиара (Шейн 1890: 591). В последнем из приведенных П. Шейном примеров речь идет о территории, расположенной чуть севернее, нежели выбранный нами регион. Описанная ситуация демонстрирует переходный вариант традиции, связанной с ритуальной пищей: вынутая частица не идет в жидкое коливо, а предназначается лишь постящемуся, что только подчеркивает ее особую сакральность.

Аналогичные рецепции проскомидии, а именно: употребление вынутого кусочка только теми, кто пришел в храм натощак, причем в варианте причащения, – встречаются и сейчас, хотя и не во всех церквях. Приведу описание обрядовых действий, совершаемых в храме в с. Клюсы Щорсовского р-на: «40 дней душа ходит, тады уж уходит. Делают квас, вино берут, поляницу пекут, гроши кладут, платочек и в церковь идут. И платок поднимают, на него хлеб – буханку или булочки. Сейчас уже купляют. Батюшка кажется, нужно три булочки. Компот и вино тоже поднимают. А тады батюшка из булочки вырезает угольничек и забирает, а булочки отдает. Обед будет, я дам людям, в коливо их. И этот угольничек забирает батюшка, там же есть

люди говеют, а вино в чарочки людям. Это уже прошли, он пошел в свой дом».

В приведенной ниже информации, полученной в агрогородке Ленино Добрушского р-на Гомельской обл. (2011 г.), интерес представляет тот факт, что рассказчица сама проводит параллель с элементами проскомидии, более того, описывает ситуацию, дублирующую литургический акт причащения. При этом в ее рассказе присутствуют некоторые неясности, что, впрочем, характерно для большинства информаций такого рода. Это свидетельствует о том, что в памяти участников поминания откладывается главным образом свое обрядовое соучастие, действия священника фиксируются, но не требуют подробных комментариев и могут вызывать разную рефлексию при общей функциональной направленности – отправлении души. Обращает на себя внимание еще одна особенность атрибутивной части совершающего обрядового акта, воспроизводящая (хотя и в упрощенном варианте) атрибутику чина панагии: вместо специального панагиара мы видим обычный поднос, что характерно для местного варианта исполнения священнодействия. «Воздух – это раньше всегда делал батюшка, который был до отца Василия. Раньше на 40 дней обязательно поднимали дарники – три булочки, сахар, платок. И сколько нас приходит, у нас же церкви не было, только в Гомеле, так и 10 [поминальщиков] могло быть. И у батюшки была такая тарелка, на тарелке расстилает платки. Ну, это такой поднос. И на эти платки кладет по одной булочке, чтобы уже поместились все. И вынимал частицы, як вот у просфор вынимают. И батюшка пое, и все берут каждый по кусочку и поднимают дарники, это бывалось. Кладет только по одной булочке, так как не уместятся. А если мы одни, то все три положит. Частицу достает из одной. Булочки забираем домой и крошим. А частицу – если это за здравие, подают записки за здравие, то кидают ее в чашу и причащае всех, кто хочет. А як за мертвых, то частицу кидае. Он три частицы вынимает из одной булки. Дарник считается за упокой». В контексте сопоставлений литургических актов и чина панагии, а также определения сакрального статуса вынимаемой частицы, интерес представляет употребляемый белорусами термин дарник (дара), что в церковно-обрядовом лексиконе означает остаток агничной просфоры, после изъятия агнца.

Организационная часть поминания 40-го дня в том варианте, который помнят старые люди и который функционирует и до сих пор, также вызывает аналогии с порядком литургического богослужения. Я имею в виду принесение самими участниками поминания хлеба (в разных вариантах), который является главным атрибутом ритуального действия.

Напомню, что во время литургии поминание совершается несколько раз. Кроме изъятия частиц из большой просфоры, в том числе за живых и умерших, существует обычай вынимать частицы из маленьких просфор, принесенных верующими. После Божественной литургии эти просфоры верующие уносят домой и благоговейно употребляют в пищу (Пархоменко 2022).

Приведенные примеры показывают традиционность включения чина панагии в поминальную обрядность, хотя чинопоследование ее существенно отличается от того торжественного священодействия, которое мы видим в описаниях канонических вариантов, особенно это очевидно в современных поминальных практиках. Отличительной чертой ее сакрального содержания можно считать включение в обрядовый комплекс элементов, апеллирующих к другим священодействиям, в том числе литургического богослужения. Явные рецепции литургической богослужебной практики вряд ли можно считать простым заимствованием. Почитание Богородицы как второго лица божественного мира предполагало внесение в посвященные ей обрядовые акты особой сакральности. Анализируя трансформацию чина панагии, М. Н. Скабалланович сделал вывод относительно того, какой статус занял этот чин в ряду других православных священодействий. «Лишь только Богоматерь получила в Церкви всю Свою славу и честь, должна была возникнуть идея некоторой евхаристии и во имя Ее. В целях резче отличить эту евхаристию от настоящей, возвышение поручается диакону и простому иноку (у греков даже чтецу)» (Скабалланович 2022).

Естественный интерес вызывает реальное соотношение двух богослужений: литургии и панагии в местной традиции. Напомню, что речь идет о 40-м дне, значение которого как переходного этапа, завершающего расставание умершего с земным миром, требует, с точки зрения современного населения, как и в традиции, обязательного церковного поминания, причем, как правило, с поминанием «в алтаре» во время литургии. В таком случае последовательность действий такова: после литургического богослужения совершается чин панагии, в отдельных элементах дублирующий евхаристию. Можно предположить, что в прошлом, насколько это отражено в источниках XIX в., панагия совершалась после обедни вне храма в доме умершего и по времени была отделена от литургии (см. выше П. Шейна), к которой было приурочено поднятие просфоры. В советское время в связи с общим сокращением церковной жизни и сложностью совершения священодействий с участием пастыря вне храма весь поминальный комплекс был перенесен в пространство храма.

Приведенные примеры имели целью показать рецепции церковных священномий, прежде всего, литургии, очевидные в местном варианте чина панагии. Однако не менее интересными представляются и аналогичные явления в народной внешнечерковной обрядности. Этот аспект религиозной практики очень слабо отражен в научных работах. Многочисленные исследования народной культуры убедительно показывают влияние православия на все стороны жизнедеятельности мирского населения, прежде всего на нравственность и специфику праздников. Но в оптику изучения редко попадают те особенности религиозных проявлений в культуре мирян, которые, на мой взгляд, можно обозначить как рецепции церковной ритуалистики. Скорее всего, перенесение элементов церковных священномий в мирскую обрядность не было итогом продуманной рефлексии, хотя нельзя исключить и варианты осознанной соотнесенности своей практики с каноническими актами. Церковные богослужебные обряды могли воздействовать на формирование народной обрядности, поскольку воспринимались как безусловный эталон святости, обеспечивающий выход в божественный мир. Напомню приведенный выше пример поминального колива, который вызывает критику священнослужителей. Однако ближайшее непредвзятое рассмотрение его состава: сакрализованные путем священномий хлебные частицы, помещенные в вино или отвар сухофруктов, – позволяет видеть в нем элементы, адекватные атрибутам евхаристии. В качестве примера явной рецепции церковного священномия (его отдельных элементов) приведу обряд поминания, который происходит накануне 40-го дня после смерти в с. Шапкино Мучкапского р-на Тамбовской обл. Хорошо знакомый с обычаями своих прихожан настоятель местного храма так описывает совершаемые за поминальным столом действия: «Вся семья, певчие. Кафизмы читаются, читается “Всенощное бдение”, так они это называют панихида. Священник обычно не приглашается. В конце на стол кувшин большой – с квасом или компотом и чашка с нарезанными кусочками хлеба – булочки или хлеб. Две чаши. И в конце каждый наливает себе и закусывает кусочком хлеба. Поют песнопения в это время, это заменяло литургию. Народ называет это причастием. Начинаешь спорить, но говорят: “у нас так”. Потом молебен и обходят вокруг дома. Бывало до революции». Сам священник оценивает происходящее как парапричастие или паралитургическое действие. Указанные акты, которые я могу трактовать как рецепции церковных священномий, нельзя расценивать как кощунственное искажение святых актов, поскольку речь идет о заимствовании ритуалистики

без каких-либо попыток придать им смысл священномия. Моя оценка – это взгляд со стороны и попытка понять происхождение традиции.

Возвращаясь к собственно чину панагии, остановлюсь на весьма важном, но неясном аспекте формирования церковной обрядовой культуры: на каком этапе функционирования православия в русских (восточнославянских) землях канонический чин о здравии вошел в поминальную ритуалистику. Позиция современных священников неоднозначна: от признания традиционности и уместности заздравных молитв в обрядовом поминании до отрицания и осуждения ритуального комплекса, тем более включающего не свойственные чину панагии акты, искажающие канонический порядок поминания, в чем видят результат бесцерковного советского периода. Относительно вхождения чина панагии в поминальный ритуал, его обрядовой интерпретации и сочетания с отправлением умершего «в воздух» интерес представляет точка зрения священника из г. Щорс, который причиной модернизации церковной ритуалистики считает не имеющие особых смысла мирские инициативы: «(Почему воздух связан с 40-м днем?) Не знаю, это “народ привязал”, а делать (чин панагии. – Т. Л.) можно когда угодно». При этом он видит обоснованную корреляцию между церковным священномием и актом отправления души, что реализуется поднятием хлеба, обращает внимание на еще одну важную функцию церковного акта. Упоминаемый им старый священник недаром называл поминальный ритуал с чином панагии «искуп души», что можно трактовать как совершающее во время обрядового действия очищение души, предоставление ей возможности отправиться в горний небесный мир, куда закрыт доступ любой нечистоте.

Акт возвышения

В современной практике чин панагии может отсутствовать в комплексе ритуальных актов, трудно сказать, всегда ли он сопровождал поминание в прошлом, но акт возвышения остается обязательным. Как считают многие священники, обряд поднятия хлеба издавна существовал в канонически узаконенной церковной ритуалистике поминания под разными названиями без жесткой корреляции именно с 40-м днем после смерти. Отсутствие чина панагии в современной церковной практике не меняет сам порядок совершения акта поднятия: «Воздух поднимаем. На платок пять булочек: четыре по углам и одну в середину. Потом булки снимут и поднимают один платок. Булочку щипят, и все поминают. И вода освященная. Это так душу провожают» (г. Щорс, 2011 г.); «Это такой обряд, так и называется “воздух”, потому что он поднимается и

опускается. Это за упокой. Мы поем сначала канон, тропарь, а как поднимают, всегда поем тропарь Благовещенский. Хлеб приносят обязательно. На плашечек хлеб, батюшка свой крест, крест свой придерживает и женщины поднимают за концы. Сейчас священник поднимает кадило, мы этот тропарь не поем. Старый батюшка поднимал, а о. Антоний нет. Сейчас о. Антоний кадило поднимает, и мы поем» (с. Яловка Красногорского р-на, 2012 г.). 40-й день, как уже говорилось, занимает особое место в культуре поминания, где главное – забота об умершем, о его проводах в небесный мир. А поскольку главным обрядовым актом, выполняющим эту функцию, считается поднятие хлеба, то время его исполнения не меняют даже при необходимости корректировать весь поминальный цикл. «У меня у брата 40 дней попало на Страстную неделю, и батюшка сказал хоть обед отложить. Так воздух подняли, а обед я потом отводила, на второй день Пасхи» (с. Елино Щорсовского р-на Черниговской обл., 2011 г.).

Так как речь идет о современной церковной практике, для нас представляют интерес позиции священников, их объяснение природы обрядовых актов, а также их легитимности с точки зрения канонических установлений. Каких-либо богословски обоснованных объяснений с отсылками к богослужебным требникам услышать практически не удалось. Служители церкви склонны считать источником неординарности ритуальных актов активизировавшиеся в советское время инициативы мирян, актуализацию их осмысления христианских концептов. Приведу комментарии, полученные в Гомельской епархии: «Воздух – это не обряд, не таинство, это просто обычай. Как бы... душа... возносится. И после 40-го дня душа в состоянии покоя. Уже частный суд проходит. Зачем поднимают – не знаю. У нас уже нет, а было. (Зачем вырезали из хлеба частицу?) Ну, это... человек приносит на панихиду хлеб, и часть вырезают. Но у нас не вырезают, а режут пополам хлеб этот (любой). Часть церкви, часть на поминальный обед. Сколько было панихид, столько кусочков клали на поднос. Каждая семья от себя. И в конце панихиды, когда поется “Отче наш” и молитва Господня, все вместе брали этот поднос и поднимали. Поднос церковный. (Почему владыка запретил?) Ну, это народный обычай». Еще более определенно охарактеризовал причины появления своеобразных обрядовых актов настоятель Спасо-Преображенского Новгород-Северского монастыря: «Кто придумал, того и спросите. Это “новый Типикон”, который придумали за 70 лет. Церкви были закрыты, сидели бабки на лавке, семечки лузгали и все это (то есть суеверие), страхи разные».

Опытные священнослужители приводят аналогичные или сходные примеры из практики дру-

гих православных регионов, входивших до 1686 г. в Киевскую митрополию. Глава Черниговской епархии о. Амвросий вспоминает «Воздух... ну, везде свои обычаи. Был в Александровском монастыре, в Одесской обл., где-то под Молдавией. Там в какой-то день была панихида и столы трясли. И здесь бывает: берут плат, на него хлеб, приношения и трутся». Знакомый с практикой разных мест настоятель Благовещенского собора г. Сураж Брянской обл. о. Владимир (Фараон) отмечает разные варианты акта возвышения, связанные с поминанием. «Поднимать воздух – да, на Украине есть. В Молдавии видел: они на Радоницу, когда вечную память поют, то поднимают тарелки в воздух. Почему – не знают».

В Белоруссии в происхождении обрядов, не находящих подтверждения в требниках, священники склонны усматривать влияние католичества, что неудивительно, учитывая исторические особенности складывания конфессиональной ситуации в регионе. «Раньше поднимали хлебы, а теперь – нет. Это шла общая панихида об упокоении. Раньше, когда старые священники были, люди просили на 40-й день, как исходит душа на небо, чтобы поднимали хлеб, который приносили и полагался на канун, чтобы поднимали хлебы. Пели “Достойно есть” и поднимали этот хлеб. На поднос, не на полотне. Потом хлеб брали себе. Сейчас это не делается. Да, старые священники говорят, что была такая мирская традиция. Может быть, это было взято больше от католиков» (о. Сергей, д. Хальч Ветковского р-на).

Заслуживает внимания предположение некоторых священников о том, что акт возвышения в обрядности 40-го дня – это трансформированная рецепция разных вариантов чина «поднятия калача», не имеющих отношения к поминанию. Некоторые эпизоды подобной практики уже ушли из обрядовой жизни и остались лишь в памяти пожилых служителей церкви. Настоятелю Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря довелось в детстве быть свидетелем совершения данного ритуала: «Есть в “Сербском требнике” чин “Поднимание калача”, он совершается во время праздников. Священник приходит домой к людям и там с хозяином поднимает на воздухе – платок обычно берется, целуются, приветствуют друг друга. А у нас это перешло в панихиду, хотя оно никакого отношения к панихиде не имеет. Это за здравие. Я был еще маленький, у нас освящали дом, и батюшка совершил чин “Освящение калача”. Тогда ложили буханку хлеба и бутылку вина. Потом разрезали калач и всем, кто был, давали и раздавали вино. Это было здесь в Черниговской обл., в Носовском р-не. Это был тогда обыкновенный батон. И его поднимали: мы стояли – отец, мама, и на платке поднимали: ка-

гор и батон. Больше такого не встречал» (2010 г.). Описание сербского обычая, элементы которого действительно могли повлиять на местную традицию, дал автор известного труда по богослужебной православной практике С. В. Булгаков: «В день памяти св. Саввы, просветителя Сербии и патрона всех сербских школ, в Сербии торжественно празднуется особый обряд, называемый “Славою”. В Сербии это празднество существует уже давно... После литургии и молебства совершается освящение «колива» (род кутьи из ячменя), “колача” (хлеба) и вина. Священнослужитель берет «колач» и при пении церковных песен вращает его, затем разрезает его и вместе с “коливом” раздает присутствующим» (Булгаков 1993: 37). Вполне возможно, что в богослужебной практике сербские и украинские священники руководствовались общими или схожими (по содержанию) требниками.

Не отрицая возможности влияния чина поднятия калача на появление аналогичных актов (в украинской традиции), предположу, что более значимо на своеобразие поминальной ритуалистики, особенно в белорусской традиции, повлиял имевший широкое распространение чин панагии, его обрядовые особенности¹. В связи с этим стоит обратить внимание на не характерное для русской традиции обстоятельство, а именно: широкое включение чина панагии в нормативно-обрядовую практику жителей региона, где он занимал определенную, закрепленную традицией нишу как сакральное действие с многозначной положительной коннотацией. Изучавший культуру Полесья Иван Эремич обратил внимание на повсеместность его включения в обрядовую жизнь мирского населения, причем в разных ситуациях, требующих, с точки зрения населения, совершения особых сакральных актов с обращением к Божьей Матери и святым силам с просьбой о благословении. «На Полесье в большом употреблении обряд панагии, или возношения хлеба в честь Божьей Матери. Он следует за панихидой, но по большей части совершается отдельно, преимущественно перед путешествием, и называется “заздоровым”» (Эремич 1868: 32).

Более подробное описание проведения чина панагии, сопровождающего празднование «свечи» – ежегодного торжественного переноса общественной святыни (свечи или иконы) из дома хозяев на новое место пребывания – оставил священник И. Сцепуржинский. Для нас в его информации представляет интерес тот факт, что красочно представленный эпизод поднятия хлеба аналогичен поминальным акциям, о которых шла речь выше. Причем поведение участников празднования явно свидетельствует о том, что акт поднятия воспринимается едва ли не как центральная часть священно-

действия, что объясняет устойчивое его сохранение в обрядовой традиции независимо от совершения самого чина панагии. Действие происходит в доме старых хозяев вечером накануне переноса. «Все приносят хлеб, каши, все на стол. Хозяйка дома застилает на столе белый платок, кладет на него хлеб и нож для вынутия частицы хлеба. Священник в эпitraхили начинает совершать чин панагии, по местному выражению “заздоровый хлеб”. Когда начинается пение величания и “блажим Тя вси роды”, хозяева берутся за платок, на котором лежит хлеб с вынутой частицей, и то поднимают оный, то опускают, повторяя за хором величание; многие же, по тесноте не могущие взяться за платок, то поднимают, то опускают правую руку, в знак своего участия в молитве». Обрядовые действия заканчиваются возглашением многолетия. Чтобы получить кусочек вынутой частицы, некоторые бабушки постятся полностью до совершения чина. Оставшийся хлеб хозяин убирает, и на следующее утро едят его всей семьей натощак (Сцепуржинский 1877: 152). По воспоминаниям прослужившего 50 лет в одном приходе г. Хотимска о. Кирилла, во время его служения аналогичные действия, приуроченные к празднованию свечи, происходили в храме. Все участники празднования приносили по булочке, свече и записки о здравии. После службы из каждой булочки священник вынимал частицу. Затем «кладут крест на блюдо и эти частички туда кладут. И потом все общими усилиями берут это блюдо руками, поднимают вверх и поют величание. В Климовичах, например, поют тому, кому посвящен храм, – Михаилу Архангелу. Потом разбирают каждый свое, берут свечи и уходят».

Отличительной чертой богослужения с чином панагии, в том числе и в поминальной практике в XIX в., можно считать место его проведения: обрядовые акты совершал священник, но часто во внецерковном пространстве. Между тем, и в прошлом Церковь не всегда одобряла подобную популярность внецерковного совершения святого чина, возможно, из опасения его профанации. Об этом свидетельствует, например, помещенный в Церковном вестнике вопрос: «Следует ли поддерживать обычай совершать при освящении домов чин “панагии”?». На что редакция, ссылаясь на богослужебные книги, дала отрицательный ответ: «Никак не следует, а напротив, нужно объяснить просящим совершить такой чин, что совершение его при освящении дома никакого разумного основания не имеет, так как чин этот указан в последовании дня Пасхи и совершается в некоторых монастырях за трапезой в воспоминание явления Божией Матери апостолам по вознесении Ея на небо» (ЦВ 1893: 236).

Поднятие хлеба или просфоры в чине панагии – это одновременно и прославление Богородицы, и акт благословения всех присутствующих. Придание ему в ритуале поминания 40-го дня функции отправления души, что подчеркивают довольно энергичные действия участников действия, скорее всего, мирская интерпретация канонического акта. При отсутствии каких-либо сведений в описаниях прошлого, в наших опросах относительно того, что символизировал собой этот хлеб в глазах исполнителей обряда, можно только предполагать, что он одновременно ассоциировался с душой умершего, местом ее обитания. В таком случае, использование его в качестве основного ингредиента поминального колива может создавать дополнительный эффект соприсутствия умершего участникам трапезы, актуализация которого – одна из организующих задач ритуального комплекса.

Думается, что истоки широкого распространения чина панагии в религиозно-обрядовой культуре региона, в том числе его вхождения в поминальные обычаи, следует искать в истории Православной Церкви на территории Украины и Белоруссии, до присоединения этих территорий к Москве в 1686 г. А поскольку чин панагии, как говорилось выше, имел длительный путь становления и совершался в соответствии с разными уставами, порядок богослужений в храмах Киевской митрополии, подчиненной Византии до 1686 г., мог отличаться спецификой их проведения, что требует изучения старых функционирующих на территории Украины и Белоруссии требников. Например, по данным Православной энциклопедии, «Афонская редакция чина панагии имеет дополнительные особенности: в частности, возношение панагии, которое бывает не каждый день, сочетается здесь с обрядом благословения укрухов, совершающимся ежедневно, и с поминовениями – эти дополнительные элементы чина восходят к практике студийских времен» (ПЭ 2009: 386). Что касается белорусских традиций, то, возможно, контаминативный характер поминального комплекса 40-го дня и собственно совершения чина панагии связан со спецификой конфессиональной ситуации периода униатства, когда могло происходить смешение богослужебных практик, а отсутствие четкости и упорядоченности церковной жизни, особенно в сельской среде, провоцировало активизацию религиозных инициатив мирян.

В настоящее время конкретные реакции священников на просьбы прихожан провести обряд поднятия воздуха определяются как общей политикой Церкви на унификацию и канонизацию церковной обрядности, так и собственным отношением к народной обрядности, которую оценивают не только с точки зрения ее православной легитимности,

но и ее осмысленности. В Гомельской епархии настоятельно советуют священникам избегать привнесения неунифицированной ритуалистики в церковное поминание, аналогичной политики придерживаются Церковь и пастыри на российской части пограничья (что не исключает в реальности уступок традициям прихожан). Особенно радикально настроены молодые священники, такова позиция пастыря из с. Яловка Красногорского р-на: «Нет, с такими просьбами ко мне обращаться бесполезно. Знаю, что в Новозыбкове делают. Но я отказываюсь, когда меня просят. Заочное отпевание соглашаюсь, но не воздух. Это глупость. Никакого поднимания воздуха в церкви не существует в принципе. На 40-й день служат обычную панихиду» (Брянская обл., 2012 г.). На Украине Церковь придерживается более мягкой позиции. Глава Черниговской епархии епископ Амвросий, определяя существующую традицию как народный, привнесенный в стены храмов обычай, не находящий подтверждения в тех требниках, которыми сейчас руководствуется Украинская Церковь (Московского Патриархата), советует своим священникам ориентировать прихожан на каноническую церковную ритуалистику, но учитывать значение традиции: «(Вы запрещаете поднимать воздух?) – Ну, я говорю священникам, что это не нужно и нужно потихоньку выводить, нужно, чтобы было уставное богослужение. Если есть где-то в приходе какой-то обычай и он не противоречит уставу Церкви, то его не надо нарушать» (2010 г.).

Заложенная в ритуальном действии идея – отправление души в воздух, к небу – в целом соответствует церковному учению, обрядовые акты ведет священник, причем в современной практике – в стенах храма. Своеобразие ритуального действия в том, что активными акторами в нем являются прихожане, что не свойственно церковным священническим действиям. И именно эта особенность ритуального комплекса, привнесение в церковное чинопоследование мирской традиции, позволяет говорить о формировании церковного (скорее, народно-церковного) обычая. Советское время сделало невозможным или труднодоступным совершение всех положенных актов, но обязательной для исполнения оставалась главная, с точки зрения населения, функция, требующая ритуального отправления вверх, даже без соучастия Церкви. Среди народных традиций Полесья А. А. Плотникова отмечала и обряды «правильного» захоронения, в том числе обычай «поднимать воздух» на 40-й день: «когда постилают на могилу скатерь и затем поднимают ее три раза за концы вверх, сопровождая свои действия напутствием “душе” идти вверх» (Плотникова 1993: 101. Глуховский р-н Сумской обл., с. Дунаец). В том варианте поминального комплекса, который су-

ществовал на памяти наших собеседников и практикуется и сейчас, все его элементы были связаны единой сакральностью: вместе с поднятым хлебом уходила ввысь душа умершего, затем хлеб же, как освященный атрибут, входил в поминальное коливо. Однако в последнее время эта взаимосвязь становится менее значимой. Сохраняется, хотя и не во всех храмах, поднятие хлеба, не меняется рецепт колива, но в качестве хлебного ингредиента может употребляться обычная булочка или полученная в церкви просфора, что не меняет основной состав совершаемых в храме обрядовых актов: «Воздух – в церкви. Пять булок на платок, сахар, конфеты, яйца сырье и все это на платке подымают. Потом это оставляют в церкви, домой не несут» (с. Лемешовка Городнянского р-на Черниговской обл., 2010 г.).

Заключение

Похоронно-поминальная обрядность неизменно вызывает интерес ученых, в оптику их исследований попадают самые разные аспекты ее функционирования. Свою цель при написании статьи я определяла как желание показать многообразие церковной ритуалистики, соединяющей канонические священнодействия и обрядовые инициативы мирского населения, своеобразие которых отражает народные рефлексии на церковное учение о посмертной части человека. В поминальный комплекс 40-го дня после смерти входит трансформированный и, в основном, переосмысленный чин панагии, обрядовые элементы которого, на мой

взгляд, стали основой всего ритуала отправления умершего в иной мир. Судя по материалам XIX в., эту ситуацию можно считать традиционной для религиозно-обрядовой культуры региона, в значительной степени свою актуальность она сохраняет до настоящего времени. Конкретные примеры показывают причины и логику введения в поминальный комплекс обрядовых актов, не зафиксированных в канонических требниках, результатом чего становятся новые варианты церковных и народно-церковных обычаев. Приведенные примеры демонстрируют сложность корреляционных взаимодействий разных уровней функционирования православия: церковных канонов, церковного обычая и религиозных практик мирян. Своеобразие и отступление от привычных канонов некоторых ритуальных актов, вызывающие подчас негативную реакцию Церкви, говорят о необходимости не столько критики, сколько выяснения их истоков и понимания актуализированной в них христианской идеи. Ситуация конца XX – начала XXI в. показывает определяющую роль православной концепции жизни и смерти в обрядовой модели поведения мирян. Особо следует подчеркнуть факт совершения обрядовых актов именно в стенах храма, что, в свою очередь, является репрезентацией церковно-приходского сознания населения изучаемого региона. Материалы показывают также влияние истории и специфики конфессионального ландшафта на формирование обрядовой практики.

Примечания

¹ Судя по отдельным этнографическим сведениям, этот чин существовал в украинских и белорусских землях шире – за пределами региона пограничья. К сожалению, недостаточность источников не позволяет расширить территорию исследования.

Источники и материалы

Булгаков 1993 – Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. Т. 1. М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993.

Пархоменко 2022 – Константин Пархоменко, священник. «Поминание усопших за Литургией» // Православный интернет-журнал «Преображенение». http://www.pravzhurnal.ru/Preobrazhenie/Azi_pravoslaviya/pominanie-usopshih-za-liturgiey.html (дата обращения 07.09.2022)

ПЭ 2009 – Православная энциклопедия. Т. LIV. М., 2009.

РГО – Русское Географическое общество

Сердюков 1867 – Сердюков И. Крестьянская жизнь и обычаи в Мстиславльском у. // Могилевские губернские ведомости. 1867. № 50–52.

Скабалланович 2022 – Скабалланович Михаил. Толковый типикон. http://www.odinblago.ru/liturgika/mikhail_skaballanovich/chin_o_panagii/ (дата обращения 20.07.2022).

Сцепуржинский 1877 – Сцепуржинский И. Братская свеча (этнографический очерк) // Странник. 1877. Т. 1. СПб.

ЦВ 1893 – Церковный вестник. 1893. № 15. СПб.

Научная литература

Григорьева Р. А. (отв. ред.). Этнокультурный ландшафт белорусско-российского пограничья в начале XXI века (по материалам исследований сельского населения). М.: ИЭА РАН, 2018.

Плотникова А. А. Дух вон // Русская речь. 1993. № 4.

Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. Т. I . Ч. II. СПб., 1890.

Эремич Иван. Очерки белорусского Полесья. Вильна, 1868.

References

- Eremich, Ivan. 1868. Ocherki belorusskogo Polesya [Essays on Belarusian Polissya]. Vilyna.
- Grigoryeva, R. A. (ed.). 2018. Ehnokulyturnyhj landshaft belorussko-rossijskogo pogranichya v nachale XXI veka (po materialam issledovanij selyskogo naseleniya) [The Ethnocultural Landscape of the Belarusian-Russian Borderlands at the Beginning of the 21st Century (Based on the Materials of Studies of the Rural Population)]. Moscow: IEHA RAN.
- Plotnikova, A. A. 1993. Duh von [Spirit out]. *Russkaya rech* 4.
- Shejn, P. V. 1890. Materialy dlya izucheniya byha I yazyhka russkogo naseleniya severo-zapadnogo kraja [Materials for the study of the life and language of the Russian population of the northwestern region]. Vol 1. P. II. Sankt-Peterburg.

THE LOGIC OF THE FORMATION OF NATIONAL CHURCH CUSTOMS. THE CEREMONY OF LIFTING PANAGIA IN THE MODERN COMMEMORATION OF THE 40TH DAY (RUSSIAN-BELARUSIAN-UKRAINIAN BORDER)

Abstract. The main religion of the Eastern Slavs – Orthodoxy has always functioned at different levels: canonical church ministry, ecclesiastical and folk-church customs and extra-ecclesiastical religious practice. Their correlation was actualized in varying degrees of intensity and mutual influence, resulting in new forms of religious customs and ritualism. This ratio was maintained in Soviet times, retaining its significance in our time. A representative example of the interaction of the church and secular religiosity is the custom of commemoration on the 40th day after death, combining the canonical ceremony of lifting panagia with the popular interpretation of the Christian idea of the departure of the soul of the deceased on this day.

Keywords: Orthodoxy, canon, custom, panagia, remembrance, soul, reception, ritual.

Authors Info: Listova, Tatjana A. – Ph. D. in History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation), E-mail: listova_ta@mail.ru

For citation: Listova T. A. 2023. The logic of the formation of national church customs. The ceremony of lifting panagia in the modern commemoration of the 40th day (Russian-Belarusian-Ukrainian border). *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 33: 54–67

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

